

Ван Цзыфэн приводил в пример Клан Ван из Ланъя, но он лишь говорил, что его род — типичный представитель великих древних семейств, и никогда не называл их бессердечными палачами. Клан Ван существовал уже не одно столетие, и с тех пор как за ним закрепилась слава, он считался первейшим родом на обширных землях Поднебесной. В давние времена, когда еще не существовало государственных экзаменов, сословные границы в обществе были еще жестче. Позже, с введением государственных экзаменов, привилегии знатных родов шаг за шагом урезались, из-за чего многие древние семейства пришли в упадок. Но Клан Ван и по сей день твердо стоял на ногах. А все потому, что Клан Ван сумел измениться и приспособиться к этому миру!

Будь на их месте выходцы из других знатных семей, столкнулись бы они с реформой по замене монет бумажными деньгами и понимая, что это нанесет огромный урон их собственным интересам, как бы они поступили? Скрыли бы всё, стали бы намеренно сопротивляться. Но как Ван Чжэнь, так и Правый канцлер Ван Цюань предпочли всеми силами продвигать её.

Выходцы из Ланъя становились чиновниками не только ради интересов собственного клана, но и ради всего общества.

Тан Шэнь подумал: «В управе Гуанлин влияние именитых семей куда слабее, чем в управе Цзиньлин, но гибель уездного помощника произошла именно в Гуанлине, а не в Цзиньлине... Похоже, в этом и заключается позиция семьи Ван!»

В середине второго месяца посольство императорских посланников отправилось в Цзяннань, в управу Гуанлин, для расследования дела Финансового приказа.

В конце третьего месяца правый заместитель министра Приказа наказаний Цао Хуэй составил доклад и велел срочно, гонцом на быстрых конях, доставить его в Шэнцзин. Прочитав этот доклад, Чжао Фу пришел в неистовый гнев и приказал министру финансов Ван Чжэню и министру Приказа наказаний Гэн Шаоюню отправиться в управу Гуанлин, чтобы лично возглавить расследование дела Финансового приказа. В тот же вечер оба министра второго ранга вместе со своими доверенными людьми устремились в Гуанлин.

Во Дворце Циньчжэн всё шло своим чередом, без особых изменений, за исключением того, что дело с налоговой реформой постепенно затормозилось.

«Двадцать три статьи о налоговой реформе» представляли собой лишь замысел, идею, а Финансовый приказ был главным орудием для воплощения ее в жизнь. Теперь же Финансовый приказ был устранен императором, Чжао Цзин и Цинь Сы находились под домашним арестом в ожидании решения своей судьбы. В Финансовом приказе никого не осталось, и продвижение «Двадцати трех статей о налоговой реформе» замерло.

Каждый понимал, что эта налоговая реформа — вещь благая и безупречная, вот только воплотить её в жизнь теперь никто не мог.

В четвертом месяце в окрестностях Ючжоу правитель Ляо нарушил границы, и между его войсками и армией Сун произошли стычки.

Фельдмаршал Запада Ли Цзиндэ наголову разбил врага, и победная весть спешной почтой за три дня домчалась до Шэнцзина. Прочитав донесение, император пришел в неописуемый восторг и трижды воскликнул: «Хорошо!», после чего решил щедро наградить все войска. Лишь спустя несколько дней подробные военные отчеты поступили во Дворец Циньчжэн. Тан Шэнь долго просматривал эти пухлые свитки с военными донесениями, как вдруг у него в голове мелькнула одна мысль.

Два дня спустя Тан Шэнь написал доклад и тайно передал его наверх.

Вскоре один из стражников, доставлявших еду, передал Тан Шэню записку. Прочитав послание, Тан Шэнь молча спрятал бумажку в рукав и, дождавшись, пока останется один, сжег её. Вечером, закончив службу, Тан Шэнь вышел из дворца. На этот раз он не направился прямо на восток к дому, а пришел на улицу Чжэнъянмэнь.

На улице Чжэнъянмэнь по обеим сторонам теснились лавки и магазины, а прохожие спешили по своим делам.

Тан Шэнь направлялся напрямик к Терему Сися. Заведение принадлежало семье Тан, поэтому Тан Шэнь беспрепятственно проскользнул через боковую дверь под прикрытием своих людей. Поднявшись в отдельный кабинет на втором этаже, он толкнул дверь и тут же склонился в поклоне:

— Подчиненный Тан Шэнь приветствует вас, Канцлер Ван.

В просторной и чистой комнате на почетном месте восседал не кто иной, как действующий Правый канцлер Ван Цюань!

Ван Цюаню было уже за пятьдесят, и виски его побелели. Он носил очень длинную бороду, а поджарое телосложение придавало ему вид безупречно честного сановника. Внешне Ван Цюань и Ван Чжэнь были непохожи, однако в каждом движении обоих угадывалась особая выправка и выучка, присущая лишь выходцам из знатных родов. В этот момент Ван Цюань чинно восседал в комнате и, глядя на почтительного Тан Шэня, с улыбкой произнес:

— Мы же свои люди, подходи ближе.

— Слушаюсь.

Тан Шэнь впервые официально встречался с Правым канцлером.

При дворе существовало множество фракций. Среди чиновничества не было четко очерченных вражеских группировок, все они были так или иначе связаны едва уловимыми нитями. Тан Шэнь считался частью Фракции Вана лишь наполовину — потому что состоял в одной группировке с Ван Чжэнем, но к фракции Правого канцлера его причислить было нельзя.

Ван Цюань и Ван Чжэнь приходились друг другу родными дядей и племянником, однако каждый из них вел собственную политику.

Чем быть членом Фракции Вана, Ван Чжэню куда ближе была Фракция императора. Он хранил верность и служил лишь одному человеку — самому государю, являясь доверенным лицом Чжао Фу.

А поскольку Ван Чжэнь принадлежал к Фракции императора, Тан Шэнь, будучи его сторонником, естественно, тоже причислялся к этой фракции. Впрочем, устроена она была крайне непросто. Су Вэньюнь тоже состоял во Фракции императора, однако с Ван Цзыфэном у них всегда были натянутые отношения, да и с Тан Шэнем они не ладили.

Искусство Чжао Фу балансировать между чиновниками отличалось глубиной и изысканной сложностью. За тридцать лет он выстроил на притворном ковре двора такую комбинацию, что обычный человек ничего бы и не разглядел. Но стоит взглянуть пристальнее — и от ужаса побегут мурашки по коже.

В отдельном кабинете на столе дымился котелок с Посягуном, однако Ван Цюань и не думал братья за палочки.

Оба присели рядом, и Ван Цюань спросил:

— Почему ты передал тот доклад именно мне?

Тан Шэнь ненадолго замолчал, после чего ответил:

— Старшего брата-наставника нет в городе, и единственный, о ком я мог подумать, — это вы, Канцлер Ван.

Ван Цюань усмехнулся:

— А ты безгранично доверяешь Цзыфэну.

Тан Шэнь промолчал, подумав про себя: «Ван Цзыфэну я доверяю, а вот вам — нет. Я лишь взвесил все "за" и "против" и решил отдать доклад вам».

Как говорил Ван Цзыфэн, род Се давно угас, в то время как Клан Ван по-прежнему процветает. Тан Шэнь верил воспитанникам Клана Ван, потому и передал свиток Ван Цюаню.

Ван Цюань пристально всматривался в Тан Шэня, словно пытаясь разглядеть на его лице нечто небывалое. Спустя долгое время этот могущественный сановник усмехнулся и поднялся с места:

— Я слышал от Фу Сижун, что хоть он и считается твоим учителем, сам он не преподавал тебе ни одного урока и поручил тебя Цзыфэну. Теперь я вижу: ученик превзошел учителя.

Вот теперь Тан Шэнь действительно почувствовал неловкость и испуг:

— Канцлер Ван, вы слишком переоцениваете меня.

Утверждать, будто он превосходит Ван Цзыфэна, — от такого у Тан Шэня всё-таки екнуло сердце. У его старшего брата-наставника характер был своенравным, и Тан Шэнь до сих пор не до конца понимал ход мыслей Ван Чжэня. Вдруг Ван Цзыфэн узнает, что Ван Цюань похвалил Тан Шэня за превосходство над ним, и вспыхнет ревностью да гневом — что тогда делать?

Ван Цюань улыбнулся:

— На сегодня, пожалуй, достаточно.

С этими словами Ван Цюань направился к выходу.

К Посягуну на столе никто так и не притронулся. Едва Ван Цюань ушел, Тан Шэнь облегченно вздохнул и позвал Управляющего Лу с Тан Хуан вместе попользоваться хого.

Увидев, что к изобилию блюд на столе никто даже не прикоснулся, Тан Хуан изумилась:

— Мы же отбирали самые свежие продукты! Брат, почему вы ничего не съели? Это же невероятно вкусно!

Тан Шэнь пошутил:

— У тебя одна еда на уме.

Тан Хуан с наивным достоинством надула губы:

— Еда — главное в жизни народа!

Тан Шэнь с чувством вздохнул:

— «Еда — главное в жизни народа»? Как хорошо сказано.

Правитель опирается на народ, а народ опирается на пропитание.

Откуда Тан Хуан было знать, что в этой комнате только что находился Правый канцлер Ван Цюань! И откуда ей было знать, что за этим столом велся разговор о том, как дать пропитание еще большему числу простых людей!

Как именно действовал Ван Цюань, Тан Шэнь не ведал.

В тридцатый год правления под девизом Кайпин на Северо-Западе была одержана грандиозная победа, и пыл киданей был сурово сбит. Чжао Фу был несказанно рад и велел щедро наградить все армейские полки. Левый заместитель министра финансов Сюй Линхоу подал доклад, заявив, что обычная доставка жалования и наград войскам на столь дальние расстояния сопряжена с большими потерями и малоэффективна. Поскольку министр финансов Ван Чжэнь отсутствовал в Шэнцзине, а правый заместитель министра финансов Цинь Сы находился под домашним арестом, Сюй Линхоу сам выступил с предложением учредить на Северо-Западе Приказ серебряных ассигнаций, дабы тот ведал всеми военными выплатами.

Чжао Фу согласился.

В пятом месяце Ван Чжэнь с соратниками вернулись в столицу. Дело Финансового приказа в управе Гуанлин было официально закрыто: Судебный приказ арестовал часть чиновников, а Приказ наказаний схватил остальных.

Чжао Фу с глубокой горечью произнес:

— Когда Великий предок упразднил Три приказа, неужели вы думали, что это делалось лишь для урезания власти канцлера?

Император Кайпин всегда предпочитал изъясняться намеками и еще никогда не выражался настолько прямо. Слушая его слова во Дворце Чуйгун, сановники как один склонились в глубоком поклоне. Не будь чиновники Великой Сун освобождены от обязанности падать ниц перед государем, сомнений нет — сейчас вся зала с глухим шумом опустилась бы на колени.

Чжао Фу вздохнул:

— Вы так и не поняли мудрых и глубоких намерений Великого предка!

В пятом месяце Чжао Фу упразднил Финансовый приказ. Ведомство, восстановленное менее года назад, было так легко и просто уничтожено.

Помощник главного министра Чжао Цзин из-за плохой проверки и контроля был сослан в Хуси на должность губернатора Циньчжоу четвертого ранга. Правый заместитель министра финансов Цинь Сы за упущения при надзоре тоже был сослан — в Лючжоу, на пост цзедуши. Получив высочайшие указы, оба так и не удостоились аудиенции с императором.

Приняв императорские указы, Чжао Цзин и Цинь Сы лишь растерянно смотрели в небо.

На следующий день Чжао Цзин пришел в Усадьбу Левого канцлера, чтобы засвидетельствовать почтение своему учителю.

<http://bllate.org/book/18292/1754619>